

И. А. Гончаров. Письма столичного друга к провинциальному жениху

Оригинал находится [здесь](#).

Письмо первое

*Франт. – Лев. – Человек хорошего тона. –
Порядочный человек.*

Ну, любезный друг, Василий Васильич, вывел ты меня из терпения своим письмом и комиссиями, или не то что комиссиями, а допотопными наставлениями, как исполнить их. Не хотел было я сначала отвечать тебе: как-таки, говорю себе, человек, подававший в юношестве такие блистательные надежды, учившийся так хорошо по-гречески и по-латыни, питавший в университете ум свой изящными произведениями древности, а желудок – не какими-нибудь пирогами от разносчика, а изделиями Пеэра и Педотти, – как такой человек мог упасть так жалко и глубоко в бездну... дурного тона! Но, смею сказать, **порядочность** моя одержала верх над минутной досадой: так и быть, соберу все силы и спасу тебя, извлеку тебя из пропасти во имя нашей старой дружбы, во имя любви к человечеству... Ты презрительно усмехнешься при этом: знаю, знаю твою философию! "Франт, лев толкует о дружбе, о любви к человечеству!" – скажешь ты, приподняв, по своему обыкновению, одну бровь выше другой. Приведи же в уровень свои брови и не играй попусту словами **лев** и **франт**, значения которых ты, извини, худо понимаешь. Ты часто титулуешь меня то тем, то другим названием; но пойми один раз навсегда, что я не **лев** и не **франт**, хотя я и не вижу ничего позорного в значении льва и франта, так точно как и не вижу причин особенно уважать их. Если есть люди, посвящающие жизнь любви к собакам, лошадям и т. п., то чем хуже другие, избравшие назначением себе приобретать хорошие манеры, уменье порядочно одеваться, выставляя себя напоказ и проч.

Не **лев** и не **франт** я, говорю, или, пожалуй, я и то, и другое, но я, сверх этого, еще и третье, а может быть, и четвертое.

Франт и **лев**! Это была бы слишком мелкая и ограниченная сфера для моего самолюбия; ты помнишь мое самолюбие: тебе не раз доставалось от него. Нет, мое назначение выше, сфера обширнее. Вникни хорошенько в смысл моей претензии: я задал себе задачу быть не только **человеком хорошего тона**, но еще и **человеком порядочным**. Многие смешивают эти два понятия, но несправедливо. Ты много знаешь, знаешь, между прочим, по-гречески и по-латыни, но знаешь ли ты, что человек-то **хорошего тона**, и особенно человек **порядочный** (а не лев и франт только, не забывай этого), имеет, может быть, больше права толковать о дружбе и о любви к человечеству, нежели кто-нибудь, иногда больше даже того, кто знает по-греч... ну, ну, не сердись: будем рассуждать дельно и хладнокровно.

Я сказал, что я и **франт**, и **лев**, и человек **хорошего тона**, и... стремлюсь быть человеком порядочным, стремлюсь, сколько есть сил. Странным покажется тебе такое неделовое, пустое самолюбие: это оттого, что ты никогда не подумал о значении порядочного человека. Попробуй подумать, приведи к одному знаменателю общие усилия этих четырех приведенных мною типов хорошего общества: что выйдет? к какому итогу ведут их стремления? выведи и назови этот итог: ведь выйдет – **уменье жить, savoir vivre**! Я думаю, есть о чем похлопотать.

Рассмотрим же теперь все четыре степени адептов этой науки, с тою целью, во-первых, чтоб ты не играл на ветер словами лев и франт, не понимая их значения, и, во-вторых, чтоб ты признал великую науку, поставил ее если не выше, то хоть рядом с знанием греческих и римских древностей и преклонил бы колени перед умением жить, в таинства которого я хочу посвятить тебя именем старой нашей дружбы и любви к человечеству. Слушай же.

Что такое франт? Франт уловил только одну, самую простую и пустую сторону умения жить: мастерски, безукоризненно одеться. По ограниченности взгляда на жизнь, он, кроме этого, ничего не усвоил. Оттого в нем так заметно и пробивается и бросается другим в глаза основательно порицаемая претензия блеснуть своей скудной частичкой умения жить и доводить ее даже за пределы хорошего тона. Пройти весь Невский проспект, не сбившись с усвоенной себе франтами иноходи, не вынув ни разу руки из заднего кармана пальто и не выронив из глаза искусно вставленной лорнетки, – вот что может поглотить у него целое утро. Чтобы надеть сегодня привезенные только третьего дня панталоны известного цвета с лампасами или променять свою цепочку на другую, только что полученную, он согласится два месяца дурно обедать. Он готов простоять целый вечер на ногах, лишь бы не сделать, сидя, складки на белом жилете; не повернет два часа головы ни направо, ни налево, чтоб не помять галстука. Ты спросишь, для чего он делает всё это, не для цели ли какой-нибудь? Для того, например, чтоб броситься в глаза изяществом туалета женщине, заставить ее остановить на себе внимание сначала этим, чтоб потом другими средствами идти далее? или из свойственного многим тщеславия показать, что он может свободно тратить деньги? нет! абсолютный франт делает это так: он одевается картинно для самоуслаждения. Он трепещет гордостью и млеет от неги, когда случайно поймает брошенный на него каким-нибудь юношей завистливый взгляд или подхватит на лету фразу: "Такой-то всегда отлично одет".

Это обыкновенно мелкое и жалкое существо; бросим его и перейдем ко лву.